
Владимир ЯРОШ

МОСКОВСКИЙ ПАЦИЕНТ

Повесть

Срок командировки истекал, дальше ждать мы не могли и вызвали по рации катер. Из-за мелководья он подошел только к вечеру. Пока грузились, рискуя порезать бродни о береговую кромку льда, из-за сопки, чуть не на плечи нам осела свинцовая туча. Стало темно, похолодало и запахло снегом. Быстрой, быстрой: снасти, оружие, рыба.

- Ну всё, от винта!
- Стой! Где Феоктистыч?
- За куропатками погнался.
- ...Твою мать.

Крупные, как бабочки, снежинки, не касаясь земли, закружили в танце.

Даже некурящие затаились, поглядывая то на небо, то на сопку, откуда раздавались щелчки.

— Попал бы да угомонился, — нарушил тягостную тишину принц Артур. — Они ведь как? Только на выстрел подкрадешься, дальше перелетят. В азарте до темноты будет гонять.

— Он не знает, что полярная куропатка в Красной книге? — обозначил свое присутствие мрачный моторист с землистым лицом, будто жизнь провел на махорке и перловой каше.

Виктор зыркнул на него, но не успел ответить: со склона катился толстяк Феоктистыч, волоча за голову курицу.

- Заводи свою балалайку! — сорвал-таки раздражение Виктор.
- Смысл? Впотьмах порог не пройти.
- Надо. На утро вертолет заказан.
- Подождет.
- Ты знаешь, сколько час ожидания стоит?
- Контора заплатит, — пробурчал под нос моторист.
- Будешь гундеть — остаток жизни в кочегарке проведешь.
- Не привыкать, я рабочий человек, — побледнел моторист и выплюнул в воду окурок, — яйца в креслах не парил...

Владимир Александрович Ярош родился в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института. Публиковался в литературном журнале «День и ночь» и в альманахе «Енисей». Живет в Красноярске.

Пришлось их разводить. Понимали, отчего Виктор нервничает. Официально мы прилетели в Красноярск с ревизией его ведомства. Он обещал нам охоту на оленя. Прождали неделю, а ни одного не видели. Обидно.

Между тем прелюдия к снегопаду закончилась, и так запуржило, что дальше трех метров ничего не было видно. Для смены цветных декораций на белые хватило пол-часа. Пришлось снова ставить шатер.

Ночью было особенно холодно, и мы жались друг к другу, чтобы хоть немного вздремнуть. Виктор все не мог успокоиться:

— Не, ну правда, разве с таким быдлом будет у нас когда порядок?..

— Ладно, расслабься. В контору твою не поедем, сразу в аэропорт. Позвонишь, чтоб акты подвезли, подпишем.

Вдруг принц (он называл себя потомком древнего эвенкийского княжеского рода) поднялся и прислушался.

— Пошел.

— Куда ты пошел?

— Не я, олень пошел.

Выбравшись из палатки я подумал, что потерял ориентацию: с вечера река была справа, а сейчас оказалась слева. Странная какая-то, вся из голубых светящихся ленточек. Так сливались в лунном свете глаза бесконечного стада. Да еще хрустели сухим хвостом рога.

Северный олень низкорослый, поэтому стреляли с пояса и не целясь. Я боялся, что в какой-то момент они разозлятся, повернут свой поток в нашу сторону и растопчут, порвут рогами. Это им ничего бы не стоило, но они бежали мимо, не в силах нарушить зова предков и природы. Когда голубая река растаяла, в ушах звенело от канонады. Предстояло самое трудное.

— Надо сейчас ошкурить. Когда окоченеют, замаемя, — распорядился Артур.

И мы всю ночь работали, грея мокрые липкие руки между кожей и теплой плотью животных.

К утру шатало от усталости. И все-равно, больше половины неосвежеванных туш пришлось оставить. Снегом мыли руки и лица, оставляя после себя кровавые пятна.

Моторист возмущался, когда грузили на борт добычу:

— Не пройдем! Я порожняком-то за дно цеплял!

Но Виктор, как бы невзначай, приподнял ствол:

— А ты аккуратней, стремнины держись.

Моторист скрипел черными зубами и беззвучно матерился. Из-под бушлата его выглядывал черно-белый тельник.

Катер, ломая намерзшую кромку льда, погрузился в воду по самые фальшборта. Поехали!

Выпив по кругу из фляги, мы сгрудились на палубе под парусиновым тентом.

Я очнулся от толчка и скрежета. Судно быстро уходило под воду. Я даже испугаться не успел, как оказался в ледяной купели. Товарищи мои барахтались недолго, меховые куртки их намокли и потянули ко дну. Не сразу понял, почему я-то еще плыву? Это красный пуховик вздулся пузырем на спине, и меня поплавком понесло обратно. Свободной ото льда оставалась только стремнина. В попытках прибиться к берегу я изрезал в кровь окоченевшие руки и лицо. Я уже представил, как окоченевший труп мой вынесет в Енисей, а там и в Ледовитый океан. Вот место нашей стоянки, где лед был отбит поутру. Пока я барахтался изо всех сил, пузырь надо мной сдулся, и всей тяжестью мокрой одежды меня потянуло ко дну, которое я почувствовал ногами, едва голова

ушла под воду. Подгребая руками, подпрыгивая, я достиг берега, как раз там, где недавно стоял катер. Секунды, и меня заволокло бы под новую кромку льда, если бы не уцепился за свисающий кустарник. Только тут я в полной мере прочувствовал мощь воды, перехлестывавшей через мои плечи и бившей в лицо. Разожми я тогда руки, никогда б не написать мне этих строк.

Мне повезло, выкарабкался. И тут же отключился. Очнувшись от холода, попытался встать, но одежда застыла панцирем и примерзла к камню. Я заплакал от отчаяния. Раскачиваясь, чуть не скатился обратно в реку. Стуча ногами о землю, разбил лед на шкерах и лишь тогда смог подняться. Передо мной открылась картина ночного побоища: содранные шкуры с обнаженной сеткой кровеносных сосудов, олени туши и всюду кровь, просвечивающая через рыхлый снег. Отрубленные рогатые головы. Было жутко и больно смотреть в их грустные, еще не замутненные глаза с длинными заиндевшими ресницами.

На запах крови скоро появятся волки. Надо уходить, но куда? Походкой терминатора, хрустя скованной льдом одеждой, я пошел по каменистому берегу. До ближайшего кордона было больше трехсот километров. Надежды не было, просто не хотелось так легко сдаваться.

С наступлением темноты я стал падать и не сразу удивился наступившей тишине: либо я ушел от реки, единственного моего ориентира, либо она застыла. Узнать это можно было только утром. Но ждать — означало замерзнуть. И я шел, пока не запнулся об оленьи рога. Проклятое место не отпускало! Сидя в позе кучера на оленьей туше, я замерзал, но не мог тому противиться. Встать и попрыгать было свыше моих сил. Почувствовав чужое дыхание на лице, открыл глаза и вздрогнул, наткнувшись на взгляд болотно-желтых глаз. Ну вот и все.

— Привет. Жрать хочешь?

Волк по-собачьи склонил вбок голову, сел, поерзал, потом задрал голову и завыл. Страху не было, он умер во мне. Одна смертельная тоска. Да и волк не сильно злой. Я бы справился. Наверное, он понял это и звал подмогу. Послышался лай. Никогда бы не подумал, что волки умеют лаять...

Следующая картинка из цепи бредовых видений: изба с закопченными бревенчатыми стенами, увешанными скарбом. Трещат дрова в раскаленной печи. Я укрыт овчинами. Голоса, плач ребенка. Спасен! И уже с облегчением снова провалился в беспамятство, отдавшись на волю силам, которым предстояло теперь побороться за мою жизнь.

На переохлаждения мой организм реагировал пугающим жаром, в котором за день стгорали зловредные вирусы, а заодно и килограммы веса, от чего, поднявшись, я чувствовал себя как в невесомости, а окружающие, за блестящие глаза и бледность, принимали меня за поэта.

Мерещилось, что я весь в липкой крови, среди ошкуранных туш. Молоденький подранок никак не мог умереть и все поднимал в мою сторону голову, словно умоляя добить. Из глаз его бусинами катились слезы. Мысль, что он — это я, пронзила меня; я очнулся и обнаружил себя закутанным в кислую, мокрую от пота шкуру. Знобило так, что клацали зубы, а дробь, выбиваемая затылком о бревенчатую стену, разбудила хозяйку.

Молодая эвенкийка или долганка, одетая в длинную сорочку, по которой до поясницы спадали, будто отутюженные, тяжелые волосы, подойдя неслышно, запустила

скользкую, как змея, руку на мою грудь и, цокая, покачала головой. Запеленав меня в сухое, мокрые шкуры развесила над печкой.

- И че? — раздался за ширмой сонный голос.
- Мокрый сильно.
- Живой, значит, — сказано было без намека на оптимизм. — Туши лампаду.

Погружаясь в сухой, как в сауне, жар, пробиравший до печенок, до мурашек и блаженных конвульсий, я таял, не в силах умерить сжигавшее изнутри пекло, от которого трещал скаल्प, до судорог ломило конечности, и пылала сухая, как Сахара, слизистая рта.

Большое воображение рисовало картины крематория, топленое человеческое сало, Каплуна в желтых трофейных сапогах и горящее тело хорошенького красноармейца Грачева, чья судьба, чувствовал я, ждет и меня.

Не в силах вымолвить слова, я шевелил губами, как карась, выброшенный на берег. Жесткое дыхание участилось и перешло в хрип.

Скрип половиц отозвался ворчанием.

- Куда? — спросил Каплун
- Пить подам, — ответил женский голос
- Ну и ночка! Какая тут работа.

Мне представилось, что его работа в том, чтобы сжигать трупы расстрелянных.

Белое облако проплыло в сени, из которых повалили клубы холода. Хрустящие удары и кроваво-красные куски. Решив, что меня хотят заставить есть человечину, я заметался и закрутил головой. Тщетно: в рот мне силком втокнули замороженный кусок. Удивительно, но вкус живительной влаги вернул меня к жизни. Склонившись надо мной, ангел-спаситель в белом макал палец в оттаявший брусничный сок и проводил по моих губам. Я зачмокал им, как младенец соской. Гладкая ладонь скользнула мне под голову и приподняла ее. Губ коснулась эмалированная кружка.

— Еще, — обрел я дар речи, выталкивая языком на подбородок попавшие в рот ягодки.

Она снова налила, вместе со льдинками. Струясь по разветвленным капиллярам, к воспаленным клеткам моим поступала жизнь. Голова, покоясь на прохладной ладошке, перестала трещать, и мысли прояснились. «Если выживу, заберу ее».

Когда она вытирала вафельным полотенцем мне подбородок и грудь, красную от сока, из разреза ее полотняной ночнушки выпал волчий клык на кожаной веревочке.

— Спи давай, — подоткнула по бокам сухие овчины и улыбнулась кончиками губ, от чего меня захлестнул приступ нежности. Прикосновение ее губ ко лбу не показалось невинным:

— Горячий, как головешка.

Как утопающий за соломину, схватил я за ее палец. Непроницаемые, как черные бусины, глаза ожили на миг, и я увидел в них нежность, какой не видел и в глазах своей матери.

Захныкал ребенок в люльке; она подняла его, дала грудь и замаячила, кланяясь и шаркая чунями. Однообразная колыбельная убаюкала и меня.

Проснулся в оцепенении. Почудился вой, как тогда, на берегу. Жуткий, как с того света, и манящий за собой. Прислушался: гудела печная труба с порывами ветра. Я расслабился. Через поры мои холодным потом истекал брусничный сок. Опять забило

в сыром ознобе. Чтобы не стучали зубы, прикусил губу. Но Рита, словно почуяв, поднялась, снова перепеленала меня в сухое и подбросила в топку пару поленьев.

Фантастические образы и картины, словно из прошлых жизней, сменяли друг друга. И снова жуткий, леденящий душу вой.

Вспышка магния заставила открыть глаза; в лицо уперся столб белого света. Кто-то в упор рассматривал меня с фонарем.

— Живой, — буркнул хозяин, закашлялся, отхаркиваясь, и направился к углу, где стояло ведро. После натужных кряхтений по цинку зажурчала тоненькая струйка. За ночь это повторилось раза три-четыре.

Лишь под утро, когда обитатели дома засобирались, захлопали дверями, выпуская тепло, я провалился в глубокий сон.

Проснулся от тусклого света из окна, выхватившего сизый сноп пыли и дыма. Пахло едой. Мрачный дядька во фланелевой рубаше хлебал из миски. Несмотря на меховые онучи и душегрейку, вид его не вязался с обстановкой. Это был точно не эвенк. И вряд ли оленивод. Вытягивая к ложке губы, он чем-то напоминал Раймонда Паулса.

— Будешь? — Поднес он миску с темно-коричневым бульоном, от одного запаха которого меня чуть не стошнило.

Он поводит ложкой с куском оленьего мяса перед моим лицом — не для того, чтобы возбудить аппетит, а чтобы проверить реакцию.

— Как зовут-то?

— Андрей, — выдохнул я.

Он поморщился от моих хрипов.

— Ну, и?

— Катер... утонул...

— Он че! А остальные?

Я опустил глаза и пожал плечами.

— Ясно. Бог не фраер. Только чего вот он тебя оставил, а не Федю? Чтоб помучился? Я отвернулся.

— Так-то лучше, зубами к стенке. А моториста жаль. И катер. Какая-никакая связь была с миром. По нынешним временам другого не дожидаться.

— Как отсюда выбраться?

— Тебе бы с того света выбраться, — утешил он. — Дай послушаю, — припал он ухом к моей груди. — Дыши, не дыши. Хреново, парень. Все хрипит, как трубы иерихоновы. Не знаю даже...

— Нас должны искать.

— То-то давеча вертушка кружила.

— И? — Напрягся я.

— И улетела.

— Надо было факелы...

— Факеры! — передразнил он.

— Костры... — хрипел я, задыхаясь.

— Уймись, убогий. Жди теперь до талого.

— Нас должны искать, — шептал я, — мы... мы...

— «Мы, Николай Второй», — передразнил он. — Щеки сдуй. Тут все едины, как в бане. Без проводника небось шастали?

— С Артуром.

— Помилуйте, прынец наследный! Теперь сам рыб кормит.

— Собаке собачья смерть, — отозвалось из другой комнаты.

— Шакаля, — поправил хозяин. — Зачем собачек обижать?

- А мне теперь как? — напомнил я о себе.
- Как Бог даст, — и крикнул: — Рита, дай ему над картошкой подышать!
- Еще дух испустит над чугуном.
- И так испустит, горит весь. Скорей бы уж, пока земля не глубоко промерзла.
- Собачий жир надо втирать.
- Да хоть с бубном спляши.
- Тьфу тебе, — огрызнулась Рита.
- Не мне, ему в рот поплюй, как твоя бабка лечила. Помнишь? Ха-ха-ха!

Рита решительно сняла ружье с гвоздя на стене.

- Эй-эй! — Попятился мужчина. — Ты что, шуток не понимаешь? Вот дикий народ.
- За народ ответишь. Начну с Мальчика.

Заметив мое беспокойство, муж ее захохотал или закашлял, показывая на меня пальцем:

- С этого?
- Не боись, — успокоила она меня. — Кобеля у нас так зовут. В капкан залез, дурак.

Все равно лапа сгниет.

- Лучше Тайгу, воеет по ночам, спать не дает. Того и жди, родню приманит.

За окном послышалось глухое рычание.

- О, услышала! — удивился Николай. — Все чувствует, волчье отродье.

— Молчи, не то глотку перегрызет, — проворчала Рита и добавила для меня: — Это она тебя нашла.

— И не тронула ведь, — задумчиво глядя в окно, проговорил хозяин. — В рубашке родился. Дык не все тонет. Пойду-ка поработаю, интересную мыслишку ты мне подкинул.

Я думал, пойдет на двор по хозяйству, но он скрылся за ширмой в своей половине.

Несколько дней я балансировал на грани. Выхаживала хозяйка: натирала жиром Мальчика, кутала и поила снадобьями. Когда ее подолгу не было, мне казалось, что от меня отступились и оставили умирать.

Открывая глаза, иногда видел небритое лицо, склонившееся надо мной, словно проверяя, дышу ли я. Безумием веяло от воспаленных глаз. Очки, висевшие у него на шее, отбрасывали суженные, как кошачьи глаза, дольки тусклого света, плясавшие на полу. Становилось жутко, будто он прячет за спиной удавку. Но каждый раз, рано или поздно, нянюшка моя появлялась с мороза, и я оживал. Глядясь, как в зеркало, в ее круглое белое лицо, я представлял свое изможденное отражение. Однажды она даже всплакнула, утопив в слезах остатки моих сил. Я устал бороться со рвущим душу кашлем, превозмогать слабость и терпеть ужасную ломоту в суставах. Она вскочила на скамеечку и, громыхая жестяными банками и склянками, нашла какой-то корень, откусила и принялась тщательно разжевывать. Потом склонилась надо мной и втокнула мне языком в рот разжеванное, разбавленное слюной древесное волокно. Отдававший эстрагоном или коноплей сок был приторно-сладким; хотелось выплюнуть, но она прикрыла мой рот ладошкой, которую я невольно лизнул.

- Приляг со мной. Ну, пожалуйста.
- От те на! Насмешил.
- Просто полежи, умираю ведь.
- Вот чума, — вздохнула она и прилегла рядом, подвинув меня бедром.

И, о чудо! Страдания отступили. Более того, стало удивительно хорошо, и я блаженно улыбнулся, не скрывая счастья.

- Марго, — прошептал я.

- Рита я, — поправила она.
- Марго лучше.
- А тебя мама как звала?
- Андрюша. Когда маленький — Дюша, — вспомнил я.
- Дюша, — повторила она.

Ладонь моя проникла под ее рубашку и нежно, как гроздь спелого винограда, сомкнула маленькую, но тугую от молока грудь.

- Руки! — пригрозила она, но не отстранилась.
- Я люблю тебя, — едва ворочал я заплетающимся языком.
- Че мелешь-то, дурачок?
- Ангел мой! — Взял я длинную прядь ее мягких, но тяжелых волос и положил себе на лицо.
- Блезишь никак али спутал с кем?
- Я помотал головой.

Не помню, сколько длился этот сладкий дурман. Но передышки оказалось достаточно, чтобы продолжить борьбу за жизнь. Марго силой заставила меня проглотить несколько ложек шурпы из собачатины, к удивлению принятой моим организмом. Впервые поверилось, что буду жить.

Настал час, когда я рискнул выйти во двор. От белого света зажмурился и чихнул; глоток свежего воздуха ударил в голову, опьянив абсолютной чистотой. Кое-как, покачиваясь на вытоптанной тропинке, добрался я до дощатой кабинки с ромбиком щеколды.

На обратный путь сил не хватило, и я рухнул в сугроб. В лицо ткнулся влажный нос. «Узнала?» — потянулся я к волчице, чтобы погладить между ушей, но она, мотнув головой, оскалила нешуточные клыки. Такого предупреждения от фамильярности мне вполне хватило. Отдернув руку, я просто сказал ей «Спасибо». Она поняла и улыбнулась. Именно улыбнулась, а не оскалилась!

- Куда тебя лешак понес, доход?! — услышал я голос Марго.
- Это волк или собака?
- Совол.
- Кто?
- Микс, не понимаешь? Как я: папа русский, мама долганка. Это обновляет кровь.
- Ясно. Скажи, Марго, а как вы связываетесь с людьми?
- Редко.
- Я серьезно.
- Сбежать хочешь? — Улыбнулась она, сверкнув белыми как снег зубами.
- Помоги мне, пожалуйста!
- А я что делаю. Выкуп за тебя не прошу. А ну руки убрал, дистрофик! А то головой в сугроб воткну!

Николай Мироныч (так хозяин представился мне), удивляясь, что я выжил, стал обращать на меня внимание большее, чем на домашнюю утварь.

- Москвич, никак? — спросил он как-то.
- По говору видно?
- По нимбу.

Более того, я почувствовал к себе интерес, который, из опыта, отнес на счет будущих просьб помочь чем-нибудь из Москвы.

Он подсел, посмотрел горло, прослушал хрипы в легких.

— Да, молодость и воля к жизни творят чудеса. Не скучаешь без телевизора?

Я фыркнул.

— О жизни думаю.

— Ну да, раньше-то некогда было. Только не сильно задумывайся, крышняк съедет.

— Почитать у вас ничего не найдется?

— Когда дети болеют, им сказки рассказывают.

Он исчез ненадолго на своей половине избы и вернулся оттуда со стопкой исписанных листов. Сел рядом и нацепил очки.

— Если засыпать начнешь, скажи.

Как в воду глядел: под его выразительное бормотание глаза мои сомкнулись раньше, чем я разобрал смысл.

Скоро я уже уверенно выходил во двор. Обедать меня усадили за общий стол. Блюда не отличались разнообразием: каша, шурпа, сухари. Кисель из клюквы, единственное, от чего я не отказался.

— Вот такие вот дела, — вытерев губы, сказал Николай, словно подытоживая невысказанную историю. А что сюда занесло? Баловство или по работе?

Я кивнул, чтобы не вдаваться в подробности.

— Не темни. Должен я знать, кого пригрел?

Пришлось назвать свое ведомство. Он икнул.

— Ого! И кем же?

— По связям.

— Связист, что ли?

— С общественностью.

— А, — брезгливо махнул он рукой. — Мытарь. А тут че?

— Ниче. Просто пострелять приехали. Шефа в край с ревизией командировали. Ему тут обычно охоту организуют. Он любитель.

— Ясно-понятно. На халяву все любители. Теплое у тебя местечко. Родня подсобила?

— Ну, как-то так, — покрутил я пальцами.

— Да ладно, — не стал допытываться Николай. — Как не порадеть? По специальности хоть? Или тоже «как-то так»? — передразнил он меня.

— Вообще-то, я журфак окончил, МГУ. Наши люди везде востребованы.

Николай посмотрел на меня, как на редкостную рептилию:

— Москва, да еще журналюга, — адская смесь. Обозначился уже на информационном пространстве?

— Разве что на ведомственном сайте.

— А для души?

— Для чего? — С удивлением посмотрел я на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду. — Да и времени нет.

— Зато теперь с избытком.

Он открыл банку растворимого кофе, положил себе две ложки и залил кипятком.

— Будешь?

— Нет, спасибо. Лучше еще киселька, если можно.

— А я привык. Кофеин мозги взбадривает.

«Зачем ему мозги в такой глухомани?» — снова задумался я. Дед все больше и больше меня удивлял. Хотя не такой уж и дед. Побрить, подстричь да приодеть — можно по телику показывать.

Глаза его оживились, выдавая желание продолжить разговор, который меня, напротив, начал утомлять.

— Что-то голова закружилась, пойду прилягу, — оборвал я его. — Спасибо за обед.
— На здоровье.

На другой день, когда я грустно смотрел в маленькое окошко на малиновые пере­ливы утренней и одновременно вечерней зари, ожидая последнего, может быть, появ­ления светила, ко мне подошел Николай со стопкой ученических тетрадей.

— Тоскуешь? — спросил он. — Ты почитать спрашивал, на вот. Ежели темно с ке­росинкой, могу генератор завести, — удивил он меня своей щедростью.

Первая тетрадь назвалась «Вторая жизнь художника Базаргина».

Каллиграфический почерк, опровергая стереотип об ограниченности автора текста, раздражения не вызывал. Правда, к третьей странице появилось ощущение «дежавю».

Через час снова появился Мироныч, тихохонько, чтобы не мешать, прошаркал чу­нями по половицам. Взял с полки банку кофе и так же бесшумно удалился.

Рита занималась во дворе и зашла в дом только раз, чтобы покормить ребенка. Я по­пытался заговорить с ней, но она ответила односложно и на ходу.

Когда снова появился ее муж, прочитанные мною тетрадки стопочкой лежали на столе.

— Осилили? — Словно извиняясь, спросил он, перейдя на «вы». И подозрительно любезно предложил: — Может, кофейку?

— Растворимый?

— Ага, и чай в пакетиках. Хотя, — подвинул он к стене табурет и снял с гвоздя на сте­не полотняный шуршащий мешочек, — могу предложить собственного производства.

— Травка?

— Еще какая! — ответил он, развязывая тесемки. — Травушка-муравушка.

— Забьем трубку мира?

— Это к Маргарите Пантелеймоновне. Опоить, обкурить — по ее части. Потом­ственная шаманка, вы поосторожней с ней. Я же предлагаю безобидный тонизирующий сбор. Но запах! — Протянул он раскрытый мешочек к моему носу. — А? Сила тайги. Медку? — предложил Николай, но я отказался. Мне хватило сладкого в его голосе.

— И правильно. Тонкий вкус и мед испортит.

Возможно, в этом была какая-то двусмысленность, но я ее не понял.

— Изысканный напиток для возвышенных бесед, — подтолкнул я его к теме, кото­рая уже не просто витала, а висела, как топор над моей головой.

— Да еще, если в подходящей компании, — добавил Мироныч. — Полистали? — С предательским волнением указал он на тетрадки в изголовье моей лежанки.

— Прочел.

— И хватило терпения?

— Более того, с удовольствием.

— Даже так?! — Недоверчиво покосился он на меня.

Я невольно отодвинулся на краешек скамьи, испугавшись, что он кинется на меня с объятиями. Сообразив, где находится ключик к моему спасению, я рассыпался в ди­фирамбах, но хозяин, насладившись елеем, осадил меня, направив беседу в конструк­тивное русло.

— Над чем, по-вашему, стоит еще поработать?

— Конечно, совершенству нет предела. Но есть поговорка попроче: «Лучшее — враг хорошего».

— И все же? — настаивал хозяин.

— Оставьте. Лучше скажите, Николай Миронович, вы знакомы с творчеством Ген­ри Блэквуда?

— На русский переведено не так много его произведений.

- «В моей смерти прошу никого не винить» в их числе.
- Книга издана давно и маленьким тиражом.
- Вы решили выступить популяризатором? Хороший вкус, — сказал я, посмотрев в пустой стакан. — Можно еще вашего волшебного чайку?
- Не скрою, я адаптировал некоторые фрагменты к нашей действительности. В мировой литературе многие произведения претерпевали метаморфозы, кочуя из поколения в поколение. Разве это плагиат? Возьмите, к примеру, «Дон Жуана», «Фауста». А про библейские сюжеты и говорить нечего! Да тот же Буратино... — этот список можно продолжать бесконечно. Весь ваш Мейерхольд с синими блузами и Эйзенштейн с масками вышли из немецкого «Метрополиса»! А в советской музыке что делалось? Седьмая симфония — «Болеро» в зеркальном отражении. Про живопись вообще молчу.
- Ну, ВСЕ мы живем в едином культурном пространстве.
- Это сейчас ВСЕ, с появлением Интернета. А тогда, по молодости лет вы не помните, но допуск в это пространство позволялся только по спецпропускам. Потому и воровать можно было беззастенчиво.
- Quod licet Jovi, non licet bovi, — развел я руками.
- Не расслышал, — приложил Мироныч руку к уху.
- Что положено Юпитеру, не положено быку.
- Вот это-то меня и бесит.
- И вдохновляет одновременно?
- Мироныч махнул рукой, словно прекращая бессмысленную дискуссию.
- В окончательном варианте я обязательно укажу: «По мотивам повести...» Хотя я уже отправлял рукопись без такой ссылки в краевой альманах, они и не заметили.
- А как же можно что-то заметить, не читая?
- Вы думаете, не читали?
- В лучшем случае пару первых строк. А вы читали их альманах?
- В лучшем случае лишь пару первых строк, — улыбнулся Николай. — На большее не хватило.
- В деликатности вам не откажешь. Но на взаимность не рассчитывайте. Писателей в наше время куда больше, чем читателей: всем хочется самоутвердиться, самовыразиться. Редакции завалены девственными рукописями идиотов и записками сумасшедших.
- Напротив меня висело зеркало, перед которым Рита обычно расчесывала свои длинные волосы. Увидев в нем напыщенного мэтра, я сдул щеки и убрал правую ногу с левой. Мироныч что-то говорил, но, засмотревшись на свое отражение, я услышал только последние слова: «...а как тогда?» — и машинально переспросил:
- Тогда когда?
- Как их заинтересовать?
- Ну, предложите спонсорскую помощь.
- В размере?
- Смотря какой журнал. Вашему альманаху сотни хватит.
- За такие деньги я книгу могу издать небольшим тиражом!
- И то польза, — кивнул я в знак согласия. — Если сложить их в стопку, заменит стремянку.
- Раздам по библиотекам...
- Это все равно что в землю закопать. Кто сейчас туда ходит? Пенсионеры? Реальная жизнь переместилась на сайты. Моей племяннице двенадцать лет, а у нее свой блог, инстаграм.
- Для одноклашек?
- Не знаю. Но на гаджеты и конфеты она денег у мамы не просит.

- Это не мое.
- «Мое, не мое». Е-мое, что вы как замороженный?! Пока тут сидите, мир меняется необратимо.
- История повторяется.
- Пересыпайте тогда «свое» нафталином, складывайте в сундук и ждите ренессанса. А хотите печататься — пишите то, что мир взбудоражит.
- Что, например?
- То, что пока только витает в воздухе! Представьте, что все вокруг слепы, топчутся на месте. И в вашей власти снять с них шоры.
- То есть дать людям правду? Но я это и стараюсь...
- Да правда тут ни к чему. Врите, но только красиво. А правда — она безобразна на самом деле. — При этих словах я опять посмотрелся в зеркало. И сдулся. — Только не умничайте сильно, не поймут. В пору читательской зрелости вступает поколение, которое путает Сталина с Лениным, Гитлера с Наполеоном.
- А вы, простите, — хитро посмотрел на меня Миرونыч, — к какому себя причисляете?
- Ну, смотря в какой системе координат. Если по Пелевину, то, пожалуй, ближе к «П».
- А этих, которые путают?
- На букву «икс».
- Хэ, значит, — повторил он по-русски. — «П», «Х». Хорошенькая аббревиатура. Для заборов.
- Так это сейчас самый писк. Граффити называется.
- Миرونыч наморщил лоб и потер подбородок.
- Вы не тужьтесь, — успокоил я его. — Ежели дано, то оно само придет. Попробуйте просто жить, — опять не удержался я от совета.
- Куда еще проще? — Развел он руками, указывая на убогую обстановку. Поднялся и ушел на свою половину, за ширму.

Я почувствовал себя виноватым за то, что обнадежил человека, а потом опустил. Но недолго пришлось мучиться угрызениями совести.

Не усидев на месте, Николай снова подошел к моей постели с новой стопкой тетрадей.

— Вот. Может, посмотрите? Это незаконченное, а это из раннего... — и добавил, как говорит хозяйка, выставляя на стол соленья из собственного огорода: — Все свое.

— Без консервантов? Без заимствований то есть? — неудачно сострил я, но ему было не до шуток. — Публиковались?

— Пытался. Но, видимо, это не то, что может перевернуть мир. Хотя и «Антоновские яблоки» мир не перевернули.

— Не перевернули. Но напомнили вкус жизни, вкус настоящих яблок, не ГМО.

— Да как можно напомнить то, чего они не знали?

— Талант все может, — сказал я и протянул руку за тетрадами. — Давайте сюда.

Через пару дней я уже окреп настолько, что смог помогать по хозяйству: колоть дрова, пилить лед на реке, который тащил потом до дому на саночках. Лед вполне можно было привезти и на снегоходе, но, как мне объяснили, бензин надо экономить. А однажды хозяин взял меня с собой на рыбалку. Заклучалась она в следующем.

Еще до ледостава в излучинах, где слабее течение, были воткнуты в дно несколько длинных шестов, соединенных под водой бечевой. Сейчас шесты эти наглухо вмерзли

в лед. Ловко орудуя «макитой», Мироныч выпиливал их изо льда, а я вылавливал пешней ледяную шугу из образовавшейся проруби. Привязав с одной стороны к бечевке сеть, мы вдвоем протянули ее под водой до следующего шеста. Все бы ничего, но при малейшей моей оплошности хозяин, забыв недавнюю почтительность, орал на меня благим матом. Особенно когда я чуть не утопил тяжелую пешню.

— ...Твою мать! Тесемка для чего?! Привязывай к руке, сколько раз повторять? Утопишь — полезешь вылавливать. У меня там уже две штуки, от таких, как ты, раздолбаев.

Я еще подумал: неужели у меня были предшественники?

Поставив на шести шестах три сети, мы поехали домой. Не знаю, как он, но я промок основательно. Снегоход у него был профессиональный, норвежский. Удивительно, что на ветру при такой езде я снова не простыл.

— Можно порулить? — спросил я на следующий день, когда мы поехали проверять сети.

Он недоверчиво посмотрел на меня и спросил:

— А опыт есть? На чем?

Услышав марку, презрительно фыркнул:

— На таком только девок вокруг бани катать.

Из трех сетей мы извлекли с десятков крупных рыб: муксун, чир, пелядь. Сети были китайские, браконьерские; у меня все руки ооченели, пока я выпутывал жабры из их цепких капроновых петель. Николай не цацкался и выдергивал рыб, уродуя им головы.

На обратном пути он поставил несколько капканов. Потом все же уступил мне место за рулем.

По прямой ехать было несложно, только газу поддавай. Трудней было поворачивать, объезжая наледи. Машина была большая и тяжелая, приходилось приподниматься с сиденья и, сохраняя равновесие, изо всех сил тянуть руль то вправо, то влево. Представляю, что было бы, если б я перевернул снегоход!

Перед тем как въехать с реки на обрывистый берег, Мироныч не выдержал и заставил остановиться.

— Пусти. Нервов не хватает от твоей езды.

Когда мы пересаживались, я заметил грубо струганный крест на берегу и спросил, кто там погребен.

— Тоже экстремал один. Псих-одиночка. На байдарке думал до океана сплавиться. Да на пороге перевернулся. Еле выбрался, без жратвы, без снаряжения. Почти как ты.

Я хотел еще что-то спросить, но он дал газу, оборвав наш диалог на самом интересном месте.

Вечером Марго резала рыбу и, искоса поглядывая на меня, бросала куски в закипающую воду. Закончив, она пальцами, как мы снимаем мыльную пену с ладоней, убрала над котлом с рук рыбью кровь и икру со слизью. Странно, но меня это не покорило. И когда через три минуты мне налили в миску уху, я принялся уплетать ее за обе щеки. А в голове моей зрел коварный план.

На следующий день, когда Николай поехал проверять капканы, я сказался больным.

Без него стало совсем тихо. Старинные, оставшиеся от прежнего хозяина ходики только подчеркивали тишину. Когда Марго присела покормить грудью ребенка, я устроился у нее за спиной и стал гладить ее скользкие волосы.

— Че, уже совсем поправился?

— Ага, — вдохнул я запах ее молока и провел языком по шее.

— Жук московский, — сказала она. Но я-то видел, что все, что делаю, нравится ей, и старался изо всех сил, пользуясь тем, что руки ее были заняты ребенком. В конце

концов она не выдержала, положила его в люльку, подошла ко мне и деловито потрогала пальцами у меня промеж ног. Убедившись, что все нормально, выскользнула из шерстяного платья с национальным орнаментом и улеглась на мою постель.

— Какие у тебя черные соски! — сказал я.

— А тебе надо розовые?

— Мне надо такие, как у тебя.

— На.

Заплакал ребенок. Ухватившись ручонками за край своей люльки, малышка таращила на нас угольные глазки.

Марго вскочила, взяла ее на руки и перенесла к нам в постель, будто это обычное дело. Я думал, что присутствие ребенка будет смущать, но ничуть. Мы были как одна семья, и оттого чувство близости только усиливалось. Девочка перестала хныкать и с интересом наблюдала, чем мы занимаемся. А я не ограничивал своих фантазий, будто стараясь удивить обоих. Когда мы затихли, она заснула между нашими горячими телами.

Мне казалось, я превзошел самого себя и все ждал от Марго чего-то типа «как мне хорошо с тобой» или «как я теперь буду жить-то без тебя», ну что-нибудь из того, что говорят в таких случаях русские девушки. Но она хранила обидную для меня непроницаемость.

Потом легко поднялась и взяла ребенка.

— Не спеши, — попросил я.

— Он скоро приедет.

— И?

— Убьет.

— Я похож на муравья?

Она усмехнулась:

— Муравью бы не дала.

— Тогда чего боишься? Иди ко мне, — позвал я руками, как зовут ребенка, делающего первые шаги.

Она увернулась и начала одеваться.

— Он хитрый. Мне даже кажется, сидит сейчас под окном и подглядывает.

Я посмотрел в окно. Удивительно, но мне показалось то же самое.

— Он мент? — спросил я, потому что детектив, который Трофимыч дал мне для рецензирования, смахивал на мемуарный.

— Был.

— А как сюда попал?

— Обидели.

— А как вы сошлись? У вас же разница такая.

— Так и сошлись. Наших-то парней вообще не осталось. Кто спился, кого убили, кто уехал. Что мне, до смерти в девках ходить? Приехал к моей матери, поговорили. Деньги есть. А что еще? Они с бабкой и рады. Вначале мы в поселке жили. Но он с людьми совсем не ладит, чуть что — за ружье. Нервный сильно.

— Да? Что-то я не заметил.

— Пока. А здесь охотник жил. Из староверов. Дети разъехались, жена умерла, сам еле ноги носил. В поселок увезли. Зачем ему дом? Нам отдал. Подладили, третий год уже живем.

— Не скучно?

— Мне нет, я так привыкла. И ему никто не мешает. Пусть пишет.

— Все лучше, чем водку пить, — добавил я, но Рита подняла на меня глаза, в которых и намек не было на одобрение. — О! Да вы тут прям как Мастер и Маргарита! —

Посмотрел я на ситуацию в новом свете. — Ну что ж, возьмусь за домашнее задание, что еще остается. Мастер спросит.

Я принялся за тетрадки. Поначалу даже с интересом. Если в основу сюжета легла биография автора, то можно себе представить последние годы его служебной карьеры, рухнувшей со сменой начальства. Законы служебного роста, которые он хорошо освоил: услужливость, подношения, откаты, особые поручения неслужебного характера, фабрикация дел, дутые отчеты — все это перестало у него срабатывать после кадровых перестановок. У нового шефа были свои вертухаи, и в услугах героя книги он не нуждался. Напротив, тот стал мешать ему. Договориться не получилось, пришлось прибегнуть к жестким мерам. А зацепиться было за что.

Старый шеф-покровитель, оказавшись в Москве, чувствовал себя не очень-то уверенно в новом окружении и быстро забыл про обещание перевести к себе покорного слугу. А ввязываться за него в разборках счел себе дороже. Кому нужны неудачники? То, что бывшего подчиненного в конце концов пожалели и дали условный срок, он объяснил своей заслугой, хотя и пальцем для него не ударил. Зато намекнул, что они в расчете, и заблокировал на своем мобильном номер абонента «Коля Квас».

Судя по тому, насколько повесть смахивала на автобиографичную, прототип героя нашел-таки способ рассчитаться с обидчиками: книга, на которую он уже положил не один год жизни, должна стать их приговором. Тем более что персонажи были расписаны в подробностях, сочинить которые не так-то просто.

Ошибок в тексте хватало, я принялся исправлять их карандашом прямо в рукописи. А на полях, увлекшись, писал убористым почерком замечания по стилистике и давал некоторые рекомендации.

Объективность некоторых фактов и событий повести вызывала сомнение, но я лишь подчеркивал такие абзацы, оставляя их на совести автора.

За ужином у нас состоялось заседание литературного клуба. Я не скупился на похвалы. Но Николай на сей раз принял их спокойно и заслуженно.

— Спасибо, конечно. Ваша оценка, если она не лесть, придает мне сил и уверенности. Но мне нужен критический анализ искушенного читателя, поскольку автору в данном случае мешает предвзятость.

— Простите, я не критик.

— Зато журналист и адекватный человек.

— «Спасибо, конечно. Ваша оценка, если она не лесть...»

— Не паясничайте! Я не петушка... — оговорился он.

— А я не кукух!

— Хочется верить.

— А вы сами не видите слабые места в тексте?

— Глаз замылен.

— И все же?

— Ну, например, некоторые авторские пояснения, по-моему, тормозят развитие сюжета.

— А как без них? Это же не ариэтка, а обличительный памфлет! Одними метафорами не обойтись. Поработайте над пояснениями и рассуждениями, чтобы они не утомляли, а заставляли читателя задуматься.

— Некоторые главы я уже переписывал по несколько раз.

— Толстой пять раз «Войну и мир» переписывал.

— Я не глыба. Да и время утекает катастрофически, — грустно заметил он.

— Альцгеймер подступает? Так купите компьютер. Или ноутбук. Выиграете кучу времени. Можем вместе съездить на материк, я помогу выбраться, тьфу, выбрать.

— У вас одно на уме. Скажите лучше, как вам вторая глава, про командировку Квасцова в район?

— Не особенно.

— Жаль. Там столько горькой иронии.

— Желчь почувствовал, иронию не заметил. Слишком уж тонка.

— В этом ее прелесть. Перечитайте.

Его приказной тон задел меня. Мироныч поднял на меня глаза и посмотрел так, что до меня дошло: не видать мне дома родного, если не подчинюсь.

— Хорошо. Перечитаю. Только сами же говорите, времени мало.

— Это у меня. У вас его предостаточно. И без компьютера обойдемся. Лучше я дам вам ручку и бумагу, а вы отредактируйте текст с учетом ваших замечаний.

— Лучше для кого?! — потерял я дар речи.

— Я возьму вас в соавторы.

— Я скромный человек, мне такая слава ни к чему. Вы фамилии персонажей хоть изменили? А то ведь меня потом привлекут за клевету или подстрелят ваши же дружки-оборотни? Да у меня и без того дома дел по горло! Когда вы меня выпустите?

— Я готов дать вам письменную гарантию в том, что доставлю до ближайшего кордона, когда повесть будет закончена.

— На это уйдет не один месяц!

— Не спешите: сейчас ноябрь, река вскрыется в мае. Ну, что быстрее? Поскольку катер вы загубили, не факт, что по нынешним временам МЧС или кто там выделит средства на новый. Пешком по болотам вы не дойдете, гнус заест, а отправитесь сейчас — волки сожрут. Или вначале замерзнете, потом сожрут. Я же вас доставлю в целости и сохранности за считанные дни.

— Это же статья! «За похищение человека»! Или как это у вас там называется?

— У нас никак. Я ведь не держу вас, — спокойно указал он на дверь. — Могу даже предложить на посошок. Кстати, у меня есть замечательный первач, настоящий на пантах¹.

— Кстати к чему? — насторожился я.

— Не ловите меня на слове, это просто форма речи, — улыбнулся он.

Ситуация сложилась патовая. Одна мысль о том, чтобы чтобы стать литературным рабом у непризнанного заказчика, представлялась мне невыносимой. «Бежать, только бежать!» — стучало в висках, пока я ворочался в постели. Но как? И кто, кроме Марго, мог мне помочь?

Между тем отношения с Марго закручивались настолько, что я уже не мог без нее и начинал скучать, даже когда она отлучалась проверить силки или еще по каким-то своим делам. Влечение наше стало сильнее нас, мы уже не могли дождаться, пока муж уедет на охоту, а удовлетворяли страсть прямо на морозе: в чулане, в сарае, в дровянике — и научились это делать быстро настолько, чтобы только не отморозить жизненно важные органы.

Иногда это обижало ее:

— Что мы все как животные? — пожаловалась она, одергивая на себе парку.

— Но ты же сама дитя природы.

— И поэтому меня можно на куче дров иметь? Совсем не уважаешь.

— Зато люблю.

— А нельзя и то и то?

— В одном лице нет. «Итоито» в переводе на русский будет полигамия.

¹ Настойка пантов оленя повышает потенцию.

Она зашипела, оскалив зубы, и впиалась пятерней в мое лицо, больно, но не до крови. Произошло это так резко и неожиданно, что я даже струхнул.

— Москва ква-ква! — презрительно передразнила она меня, оттолкнув на поленницу, которая рассыпалась, больно ударяя меня дровами по голове и плечам.

Конечно, когда уезжал наш хозяин, мы позволяли себе насладиться друг другом в полной мере. По жизни я не разбрасывался признаниями в любви, но с ней эти слова просились сами собой. Возможно, потому, что она, будто воспитанная в рамках неких условностей, всегда была немного сдержанна, а мне так хотелось зажечь в ней безудержное пламя ее диких предков.

— Давай убежим вместе, — как-то предложил я.

— И куда?

— Ко мне, в Москву. Что молчишь?

— Думаю. Что буду делать там с ребенком, когда ты нас выгонишь?

— Ни за что! Я же люблю тебя, глупая.

— Именно поэтому. Знаешь, я училась в школе-интернате в поселке...

— О-о! Это в корне меняет дело!

— Заткнись! На все предметы у нас было всего три учителя. Один из них, Петр Иванович, почти постоянно был под мухой. Но временами, примерно раз в четверть, исчезал куда-то на неделю. Никто не знал куда. А я догадалась, когда он рассказывал нам про Миклухо-Маклая.

— Который жил у папуасов?

— Да. И жил так долго, пока ему не начинали нравиться местные женщины. Тут он понимал, что пора, и сматывал удочки.

— Я не Миклухо-Маклай. И ты не папуаска. Сама говоришь, у тебя папа русский.

— Да, но он сбежал от мамы еще до того, как я родилась.

— Вам повезло.

Однажды во время нашего краткого свидания в сарае среди хлама я разглядел какие-то полозья.

— Что это?

— Сама не знаю. Осталось от прежнего хозяина. Пойдет на растопку.

Потратив немало времени, я все же выгреб из кучи антиквариата некое транспортное средство, напоминавшее собачьи нарты.

Отныне в свободное от редактирования будущего бестселлера время я занимался их ремонтом.

Хозяин только ухмылялся, глядя на мои труды:

— К побегу готовишься?

— Как получится.

— Да никак. С чего ты решил, что я отдам тебе своих собак? А хотя почему и нет? Посмотрю, как они потом приволокут с полпути твой замерзший труп. Можешь заранее выбрать место для последнего приюта.

— Я предпочитаю романы с хеппи-эндом.

— Мы же не в Америке. Русского читателя счастливый конец раздражает. Его хлебом не корми, дай знать, что другому еще хуже.

К концу декабря даже в полдень в южной части горизонта уже не оставалось и признаков просветления. Все погрузилось во тьму. Хотя нельзя назвать ее кромешной: даже в новолуние, когда от месяца оставался узенький серпик, различались очертания гор на горизонте; на снегу, который светился сам по себе, виднелись вытопанные

нами тропы и собачьи следы. С наступлением морозов небо так вызвездило, что, завороченный бесконечностью, я мог, упав спиной в снег, созерцать иные миры, напевая студенческую песенку:

Ах, как хочется в небо,
Разбежавшись, ворваться!

Не дожидаясь окончания полярной ночи, я начал осваивать езду на собаках. Три хаски впряглись и пошли сразу, будто всю жизнь этим занимались. А вот Тайга изрядно потрепала мне нервы. Свободолюбивое животное долго грызло постромки, чтобы высвободиться. Но я оказался упорнее собаки, и вскоре мы уже совершали челночные прогулки по руслу реки, все больше увеличивая амплитуду.

И вот, в очередной раз, миновав уже знакомые места, в лунном свете я увидел идущую вдоль самого берега вереницу следов. Только тут мне стала понятна нервозность Тайги, которая дергалась то вправо, то влево, нарушая обычный стройный бег. Когда я вырулил прямо к следам, она совсем озверела, шерсть на ее загривке встала дыбом. Другие собаки, напротив, съежились и прижали уши.

У излучины реки, на мелководье, стройная цепочка следов рассыпалась. Снег тут был изрядно вытопан. Я остановил нарты и с лопатой подошел к эпицентру недавнего волчьего шабаша. Разгребая со льда снег, я ожидал увидеть вмерзшую в лед рыбину, которая привлекла хищников, но сильно ошибся. Пронзив лучом фонаря лед, я столкнулся взглядом с Феоктистычем, который, не мигая, смотрел на меня сквозь его толщу. Немой крик с картины Мунка вырывался из зияющего провала на месте рта. Оцепенение, сковавшее страхом мои члены, не дало мне убежать.

Тело, видимо, зацепилось на мелководье за корни прибрежного кустарника да так и вмерзло в лед во время первых морозов. Кисти рук его, торчавшие из-под льда, были отгрызены хищниками. Но до туловища и головы они не успели добраться. Придя в себя, я первым делом перекрестился: «Свят-свят». Потом перекрестил покойника. В свете фонаря что-то блеснуло золотом. Я вытянул за браслет из-под снега часы «Таг», которые оказались не по зубам хищникам и показывали точное время.

На следующий день, когда мы приехал на это место с Миронычем и его «макитой», выпиливать было уже нечего. За ночь волки прогрызли лед и полностью сожрали тело несчастного.

— Зато хоронить не надо, — сказал Мироныч и, встретив мой неодобрительный взгляд, добавил: — А то как в мерзлоте могилу копать? Не в сарае же до лета хранить? Ритка бы не позволила. По их поверью, мертвец злых духов приманивает.

— Ты откуда знаешь?

— Знаю. Хватит ковыряться, поехали.

Происшествие это на время охладило мою решимость. Хотя с помощью Марго к тому времени я уже получил некоторое представление о предстоящем маршруте:

По ее словам, от первого кордона нас отделяло около пятисот километров. Дней шесть на собаках. У егеря есть рация, и он может вызвать вертолет. Правда, на кордоне он бывает лишь наездами, и то с приходом солнца. Придется ждать или добираться до следующего кордона. Не факт, что и там кто-то будет. Увезти провизии для себя и собак на такое длительное путешествие было проблематично. Не был я уверен и в том, что выдержу полмесяца открытых ночевок. Оставалось одно: ждать и, работая на Мироныча, надеяться на его «честное слово».

В силу своей профессии я должен бы привыкнуть к работе на заказ, но творения Мироныча, хотя и вполне достойные, меня не вдохновляли. Не моя тема, не мои герои, не мой стиль. Как-то я не выдержал и спросил автора с раздражением:

- Скажите, а зачем вам это?
- В смысле?
- Залог успеха любого труда — конкретная цель. Что молчите, разве не так?
- Да нет, я просто задумался, какую цель преследовал Пушкин, когда он писал:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя...

- Ему долги надо было раздавать.
- А я думал, он просто давал выход вдохновению.
- Это не ваш случай.
- Отчего же?
- Оттого что ваша повесть как заказное убийство. Заказчик и киллер в одном лице.
- Если так, я написал бы жалобу на имя генерального прокурора.
- Отличная идея! Почему она сразу не пришла вам в голову?
- Потому что я прекрасно знаю, чем такие обращения заканчиваются.
- А-а, так вы не только мстителен, но еще и тщеславен?
- Ничто человеческое мне не чуждо, — притворно вздохнул Мироныч.
- Но ведь есть куда более эффективные способы. Сколько, думаете, человек прочтут вашу книгу, если даже вы ее напечатаете? За свой счет, естественно. Не знаете? От силы, человек пятнадцать. Так вот, наиболее удачливые блогеры имеют до миллиона подписчиков. Представляете? Это десять стадионов Лужники! Вы можете публиковать свои вирши на фейсбуке, ВКонтакте, в инстаграме. Можете зарегистрировать свой сайт. Публикуйтесь там и тогда поймете, чего стоите.
- От «ста граммов» я, пожалуй бы, не отказался. Но блоги — это не мое. Служенье муз не терпит суеты.
- Это не суета, а скорость мышления и точность попадания. Что, собственно, и есть ум.
- Ну, кроме ума, у человека есть еще и чувства.
- О! Ноктюрн сыграть хотите? На струнах водосточных труб? Знаете, есть такой рассказ. Мужик в сарае долго над чем-то трудился. С таким же мужицким упорством, как, простите, у вас. В стране переворот, гражданская война полыхает! А он и не заметил. Вечный двигатель мастерил. Ну, как вы примерно. А в деревню ту приехал раненный комиссар. Оказалось, друзья детства встретились. И заспорили, кто из них с большей пользой жизнь прожил. Как вы думаете?
- Насчет пользы еще можно поспорить, но я точно могу сказать, кто из них причинил меньше зла за свою жизнь.
- Намек?
- Констатация. А вы знаете, что великий русский писатель Чернышевский тоже полжизни потратил на изобретение вечного двигателя?
- В каком смысле?
- В прямом. «...Perpetuum mobile, моя машина, которая должна переверотить свет и поставить меня самого величайшим из благодетелей человека», — процитировал Мироныч и добавил: — А уж он-то точно знал, «что делать».

И вот как-то шелестя бумагами, которыми он меня завалил, я обнаружил папку с листами, исписанными совсем другим почерком. Их было с полусотни, и по содер-

жанию они органично вписывались в повесть, составляя две ее, пожалуй, лучшие главы. Сюжетная линия была сохранена, но стилистика стала безукоризненной, язык живой, и ошибки в тексте отсутствовали.

Мне сразу вспомнился крест на берегу. И я спросил Марго, кто под ним лежит.

— Никто, — ответила она, стирая в тазике пеленки.

— А кто писал вот это? — потряс я папкой.

— Сережа.

— Какой еще Сережа? Где он?

— Ушел.

— Куда?

— Домой.

— А что тогда под крестом?

— Все, что от него осталось: пара косточек, очки, ботинок да куски одежды. Мы все закопали и поставили сверху крест. Чтобы все по-христиански, как Коля сказал.

— Христиане, ити вашу...! И ты?

— Не знаю. Правда, когда училась, в интернат приезжал поп и всех нас в тазик с водой лицом тыкал. Но я не заметила, чтобы это как-то повлияло на мою жизнь.

— Так ты веришь?

— Никому.

— Я спросил о вере, а не о доверии.

— Доверяешь, если веришь.

— А мне доверяешь?

— Конечно, нет.

— Вот и поговорили, — обиделся я.

Новость про загадочного Сережу и про то, что от него осталось, только подхлестнула меня: я снова загорелся бежать. И поделился своим планом с Ритой.

— Миклухо ты Маклай, — сказала она.

— Я не Маклай, у меня в Москве куча дел.

— Бумажки писать — это твое дело? Поди-ка лучше вылей помой из ведра! — приказала она, взбираясь на табурет, чтобы достать что-то с полки.

— Это твой муж бумажки пишет, а я деньги зарабатываю, — уткнулся я носом ей в живот, который оказался на высоте моих глаз.

— Пусти, уронишь! — качнувшись, вскрикнула она.

— А ты нарисуешь мне дорогу?

— Чтобы потом твои ботинки хоронить?

— Не дождетесь. Я еще за тобой вернусь.

— Дык чего ждать? Давай сразу и убежим втроем, с Нюрой. Без провожатого тебе по-любому каюк.

— Рисковать вами? Я того не стою.

— Ну вот, уже по-другому запел. Не бойся, я пошутила. Пусти, ква-ква, — оттолкнула она меня и легко спрыгнула на пол.

Терпение мое иссякало быстрее, чем она надеялась. Вечная тьма, однообразие, тексты из чуждого мира, в который мне совершенно не хотелось погружаться, сама безысходность ситуации окончательно вогнали бы меня в глубокую депрессию, если бы не Марго.

Но если меня поддерживали чувства к ней, то Мироныч все больше уповал даже не на творческое вдохновение, а на самогон, запасы которого он своевременно попол-

нял. А поддавать он начал по-черному. И тогда становился совершенно невыносимым. Если вначале я пытался проследить логику в его многословии, как-то возражать, высказывать мнение, то скоро убедился, что оно совершенно его не интересует. С таким же успехом, думал я, он мог бы проводить философские вечера со своей женой. Но нет. Ему нужен был я, чтобы мучить и изводить своими разглагольствованиями и желчной критикой вся и всех, от чинуш и до народа в целом. Похоже, истинной причиной его уединения в безмолвной глуши было не создание условий для творчества, а самоизоляция от всего мира, с которым он не мог сосуществовать.

Иногда в порыве ярости он выскакивал во двор и бегал в лунном свете вокруг дома, стреляя из карабина то в белочек, то в чертей, то в масонов и жидов. Тогда я на всякий случай тоже снимал со стены ружье: вдруг и до москвичей доберется?

Кроме того, интуиция подсказывала, что он догадывается про нашу связь с Марго. Ведь раньше, по ее словам, он так не пил.

Что при этом творилось в душе Марго, невозможно было определить за ее стабильной невозмутимостью и непроницаемостью черных глаз. Одно могу сказать: она его не боялась. Скорее наоборот. Чтобы утихомирить его, ей достаточно было посмотреть в его водянистые воспаленные глаза и сказать:

— Ну, хватит. Выпей кофе и садись за работу.

И он слушался, как загипнотизированный. Что за бред выходил после этого из-под его пера, я уже хорошо представлял.

И как-то подумал, что если и впрямь уведу от него Марго, то гигантская армия писателей потеряет еще одного своего неизвестного солдата.

Время, однако, не совсем остановилось, как это мне тогда казалось. Солнце медленно, как из загробного царства, подбиралось к горизонту, а небо на час-два приобрело оттенок школьных фиолетовых чернил, потом светло-лиловых и розовых. Когда оно налилось малиновым, словно металл в мартене, цветом, я твердо решил, что пора. И начал приготовления. Мироныч, казалось, того и ждал. Взял да и запер собак в сарае, объясняя это тем, что пришло время волчьих свадеб и собаки, особенно Тайга, могут к ним убежать.

В день, когда показалось солнце, все мы возились во дворе. Мироныч возил в корыте снегохода чурки, которые напил на островке реликтового леса, в километре от дома; я колот их, а Марго укладывала в дровяник. Защитники природы пришли бы в ужас, увидев, как мы расправляемся с тысячелетними деревьями.

Первобытная радость охватила нас, когда померанцевый диск показался на горизонте, осветив долину реки не лунным, как обычно, а настоящим, живым светом.

Хмельной с утра Мироныч принялся палить из ружья в воздух и кричать: «Урра-а!»

— Что, война кончилась? — спросил я.

Он плеснул мне из фляжки в пластмассовую крышку самогона и заставил выпить.

— За победу! Жизни над смертью!

Потом схватил нас с Ритой за руки и запрыгал, увлекая нас в хоровод. Шестидесятиградусный самогон так туркнул мне в голову, что я и сам загорланил невесть из каких глубин всплывшую в памяти песню:

С восхода до захода солнца в парках
Резвятся и ликуют цигалярки,
В единый круг встают,
Ногами в землю бьют
И что-то диким голосом поют.

Этот день нельзя было не отметить. Началось застолье вполне прилично. Я сам виноват, что полез в бутылку.

— Мироныч, за что ты москвичей не любишь?

— А кто их любит?

— Ты всегда вопросом на вопрос отвечаешь? Это симптом.

— Сам такой. Вы блага незаслуженные воспринимаете как личное достижение и кичитесь этим, смотрите на остальной народ как на быдло. А сами вырождаетесь в дегенератов... — понесло его.

Я не спорил и только щедро подливал ему, подбирая тосты, от которых нельзя отказать: За родителей, за Родину, за здоровье...

Отмечали, пока Мироныч не отключился.

Я выпил не так много, но этого хватило, чтобы решиться на побег. Зная, что решимость моя за ночь может иссякнуть вместе с промилями алкоголя, я выпустил собак из сарая и принялся укладывать в нарты заранее упакованные мешки.

— С ума сошел! — воскликнула Марго, застав меня за приготовлениями. — Он тебя догонит в два счета, когда проснется.

— Пусть попробует, — поднял я ружье. — Я свободный человек и ничем ему не обязан.

— Ты не доедешь. Замерзнешь. Начинаются морозы, каких ты не видел. Да и у волков самая голодная пора.

— И пусть. Поставишь второй крест.

— Неужели я так тебе надоела?

— Ты единственное, что мне жаль здесь оставлять.

— Тем более. Смотри, духи накажут.

— Шаманочка ты моя! — Хотел я ее обнять, но она оттолкнула меня, отвернулась, пряча слезы и обиду, и пошла к дому.

— Я приеду за тобой! — крикнул я, поперхнувшись комом в горле. — Вот увидишь!

Поддавив в себе слабость, я решительно направился к собакам, которые лаяли и рвались в путь. Никаких специальных команд я не знал и потому просто закричал им: «Хэй-хэй!», размахивая длинным прутом.

Карты у меня не было. Маршрут я записал со слов Марго: «Ехать по руслу реки и считать слияния с другими речками. Их должно быть четыре, по две с каждой стороны. Поскольку путь идет вверх по течению, то русло будет сужаться. На снежных переметах есть опасность потерять берега и уехать в тундру. Навсегда. Но после разделения нашей реки на две берега уже не потерять. Нужно будет снова внимательно отсчитывать слияния с малыми реками. Потому что по правому берегу пятой из них, метрах в двухстах от слияния и должен быть первый кордон. Ночью его не видно, можно заплутать. Лучше дождаться дня. Всего до него около пятисот верст, петляющими руслами. По прямой раза в три короче, но срезать нельзя, чтобы не заплутать. Если повезет, встречу Василия. Если его не будет, там можно передохнуть, одолжиться сухарями, консервами и отправиться дальше. Еще почти километров триста по реке, до ржавого водометного катера на берегу. Там кордон Михаила Степановича, он обычно в нем зимует. И зимник до поселка. Если не перемертвет. Тогда лучше дождаться вездехода».

Собаки мои бежали бодро. Стоя на задниках полозьев, я лишь изредка на них покрикивал. Хмель мой скоро выветрился, и я уже начал жалеть о своей авантуре. Но деваться было некуда, только вперед. Небо, как назло, затянуло, и с наступлением темноты я погрузился словно в бассейн с тушью. Собаки встали. По моим прикидкам, мы проехали не более пятнадцати километров. Обидно было так рано становиться на ноч-

лег, но другого выхода не было. На ощупь наломав с берега пару охапок ивовых прутьев, с помощью бензина я развел маленький костер. Уткнувшись вокруг него мордами в снег, собаки мои задремали. Я натянул на себя все, что было, но становилось все холодней. И это не было лишь моим ощущением. Зато потянувший хиус очистил небо. Вызвездило, как никогда, до самой маленькой звездочки. Я тогда впервые увидел перспективу и осознал трехмерность звездного пространства, четко различал, какие звезды ближе, а какие совсем далеко. «Надо же, — думал я, — большинство из них давно погасли или рассыпались в прах, а свет их все еще радует и зачаровывает. А вот я после себя никого света и вообще ничего путного не оставлю и через три месяца после смерти мало кто меня вспомнит.»

На небе временами появлялись небольшие зеленоватые всполохи, которые я вначале принял за галлюцинации и протер глаза. Они не исчезли, а значит, были отблесками далекого северного сияния.

Завороженный таким зрелищем, вскоре я перестал мерзнуть и понял, что впадаю в анабиоз. Потребовалось колоссальное усилие, чтобы преодолеть его и подняться. Поскольку звездное небо достаточно освещало путь, мы двинулись дальше.

Часа через три я заметил, что прыги у моих собак поубавилось. Пришлось кормить. В двенадцатом часу начало светать, и вскоре на несколько минут показалось холодное и не очень-то радостное солнце. Захотелось спать. Но чтобы не терять световое время, я продолжал гнать собак, вглядываясь в берега, чтобы не пропустить слияния с первой речкой. К сумеркам, когда я увидел первую стрелку, собаки мои еле тащили ноги. А сам я изо всех сил тарачил глаза, чтобы они не слиплись. Двигаться дальше нельзя было и по той причине, что небо опять затянуло. Привал был неизбежен. В общей сложности, по моим подсчетам, мы преодолели за полтора дня около девяноста километров. Появилась надежда, что сил наших хватит на оставшийся путь. С божьей помощью и если погода позволит.

В месте слияния рек из-под снега кое-где торчали прибитые течением ветки. Поработав топориком, я сделал приличный запас для костра и поужинал горячим сладким чаем с вяленным мясом и сухарями. Даже настроение поднялось. Я снял постромки с собак, чтобы они сделали свои дела и лучше отдохнули. Костер бодренько потрескивал, стреляя искрами, а у собак были такие умильные морды, будто они всю жизнь мечтали о такой жизни.

В какой-то момент я заметил, как встали торчком уши у Тайги. Потом она встревоженно подняла морду и встала. Только когда она легонько зарычала, зашевелились и хаски. Я ничего не слышал, но, доверяя собакам, почуял неладное. Думал, это волки, но когда Тайга всю залилась лаем, увидел свет одинокой фары и вскоре услышал шум снегохода. Конечно же, это был Мироныч. Небритое лицо его было помято, а опухшие глаза безумны. Видно было, что ему с трудом удается держать себя в руках.

— Что же ты, не попрощавшись? Не по-нашему как-то.

От него и на расстоянии разило перегаром.

— Да вот не хотел будить.

— Ну, я тоже тебя будить не буду, отдыхай. Только собак заберу. Барахло, так и быть, дарю.

— Мироныч, я тебе все верну. Слово даю.

— Оптимист, — сказал Мироныч, грея руки у костра. — Завтра по всем признакам под полтинник ударит. Таким костерчиком не согреешься. Без тебя я обойдусь, а вот без собак мне трудно будет.

— Это все равно что убийство, Мироныч, на большой дороге.

— Какое же это убийство? Я тебя не гнал. Лечил, поил, кормил.

Накинув петлю на шею хаски, он потащил ее, чтобы привязать к корыту, которое служило прицепом к снегоходу.

- Отпусти собаку!
- Сопляк ты, чтобы командовать.

Я шагнул к нему, но он схватил заранее приготовленный карабин.

В этот момент на него молнией бросилась Тайга. Он выстрелил, и она упала в снег. Обычно молчаливые, хаски, осознав серьезность момента, залаяли на него. Двумя выстрелами он положил и их. Потом молча оседлал снегоход, сделал круг, осыпав меня фонтаном снега, и был таков.

Я бросился к собакам. Хаски были мертвы. Тайге он насквозь прострелил мякоть бедра. Отойдя от шока, она поднялась и сделала несколько шагов на трех лапах. Я поцеловал ее в нос и почувствовал, что ее трясет так же, как и меня.

«Вот и все», — подумал я. Умирать не очень-то хотелось. Ясно, Мироныч сделал это в припадке белой горячки. Оставалось надеяться, что, когда очухается, вернется за мной. По-христиански. Надо только дожидаться, выжить. Для этого нужны дрова, много дров. Я взял топор и отправился туда, где при свете видел торчавшее бревно. Тайга, видимо испугавшись, что я ее покину, заковыляла за мной на трех лапах, оставляя кровавые капли на снегу. Пришлось прежде обработать водкой ее рану, залепить дыру тампоном и обмотать пластырем. Она вздрагивала от боли, скалилась и рычала, но терпела, доверившись мне. Так мы просидели до утра. Весь световой день я таскал и таскал дрова. Мороз и впрямь крепчал. Чтобы согреться, я крутился у костра то передом, то задом, да так неосторожно, что прожег сзади пуховик. Хорошо, что он оказался синтетическим, а не из пуха, как было написано. А то истлел бы дотла.

Под утро Тайга вывела меня из оцепенения утробным рыком; с трудом, но поднялась на три лапы. Загривок ее воинственно поднялся, желтые клыки обнажились. У меня подняться не было сил, но до ружья я дотянулся, когда услышал знакомый шум снегохода. На этот раз им управляла Марго.

- Ты?
 - Мы, — ответила она, — расстегнув пуговицу на парке, под которой показалось розовое Нюркино личико с соской во рту. — Садись давай, поехали.
 - Куда?
 - В Москву. Куда еще-то?
 - Втроем?
 - Впятером, однако.
 - А ну да, — посмотрел я на Тайгу, загибая пальцы. — А кто пятый? Мироныча привезла?
 - Андреича, — сказала она, погладив себя по животу.
 - Шутишь!
 - И не надейся.
 - Ну, ты даешь!
 - Только тебе.
 - А как же без топлива?
- Она показала на прицепное корыто, полное пластиковых канистр с бензином.
- Ого! Знала и молчала?
 - Я же тебе говорила, всему свое время. Глотни, — протянула она мне бутылку, — а то губы не шевелятся.
 - Мне уже не привыкать. Можно тебя обнять?
 - Садись «взад» и обнимай покрепче, а то свалишься — не замечу.
 - Я люблю тебя.

— Не все еще отморозил?

Постелив Тайге в корыте (или в волокуше, как ее еще называют), она закрепила собаку веревками, чтобы не вытряхнуть ненароком, посадила меня, и мы помчались. Так и хочется добавить: «Навстречу счастью!»

— Дюша! — повернув голову, крикнула она мне в ухо. — А в Москве мавзолеей работает?

— Не знаю.

— А ты был там?

— Давно, когда в октябрюта принимали.

— Сводишь?

— Зачем?

— А что там еще делать, в твоей Москве?

Дорогу я плохо помню. Сидел, как куль. Ни разу не свалился только потому, что руки мои окоченели в согнутом состоянии на ее груди. Ночевали мы в крошечном охотничьем балке, засыпанном вместе с трубой снегом. Как уж Рита ее разглядела, мне не понять.

Маленький балок протопился очень быстро. И хотя глаза нещадно щипало от дыма, это было куда лучше, чем ночевка в снегу. Прячась от дыма, Нюрка то и дело уползала под нары. Доставать ее приходилось мне. Внимательно рассмотрев малышку, я спросил ее мать:

— А как у Нюры отчество?

— Чего ты вдруг?

— Ну, у мамы глаза черные, у папы карие, а у нас, — бормотал я, подкидывая Нюрку, — синющие! Да, Сергеевна?

На следующий день добрались до первого кордона. Дверь замело доверху, мы с трудом ее откопали. Внутри все было по-людски: приличный запас дров, береста, спички, махорка с советского склада, керосинка. Сухари, консервы, чай и даже сахар в железной банке. И иней под потолком. Пока Рита растапливала печку, я обнаружил привязанные к стене за веревочку химический карандаш, облизанный десятками языков, и общую тетрадь, исписанную короткими заметками почти до самой корки. Первая, выцветшая запись от августа 1999 года гласила:

«Я, Степан Кузьмин, построил эту избу со своими сыновьями Алексеем и Петром для себя и для добрых людей. Будьте здесь как дома. Снасти над окном под потолком, можете пользоваться. Только уберитесь после себя. И будьте осторожней с огнем. Да хранит Вас Бог!»

Далее, в хронологическом порядке, шли короткие и длинные, малограмотные и остроумные записи охотников, рыбаков, геологов и просто странников, посетивших этот приют. Причем год от года, записей становилось все меньше и меньше. О чем это говорит, я не сразу понял, тогда мне было не до чтения.

Мы так устали, что я провалился в глубокий сон и проснулся лишь от холода. Похлопал руками вокруг себя — никого. Печка почти совсем остыла. Я огляделся по сторонам и увидел Тайгу. Она зевнула, проковыляла к выходу и заскулила, требуя выпустить по своим делам.

На снегу я разглядел следы снегохода, причем в обе стороны, сюда и обратно. Предчувствуя недоброе, бросился вслед, а утонув в снегу, долго кричал. Куда там! Ответила воем только Тайга. Меня колотило от обиды за обман. Барахтаясь в снегу, я всхлипывал в голос, как кинутый ребенок.

Вернувшись, мокрый от пота и снега, я упал ничком на нары и лежал так, пока не начал замерзать. Тайга устроилась под боком и, сочувствуя, сопела мне в ухо. Я поло-

жил на нее руку, стараясь не задеть больное бедро, и лишь тогда немного успокоился. С трудом поднялся и принялся за печь. Когда она весело затрещала, стреляя еловыми ветками, огляделся. На столе поверх кучи банок и брикетов с продуктами белел лист бумаги с детским почерком:

«Мыльй Дюша! Прости, но только сичас я поняла, что мне надо вернуться. Он по-мрет там без меня. Как потом с этим жить? А мы еще встретимся, если ты захочешь. Все в наших силах.

Посмотри дневник на стене. В конце Степан пишит что приедет в середине февраля. Значит ждать тебе осталось ни долго. Продукты я оставила. Еще здесь много копылух и рябчиков. Патроны есть. Если не будешь лениться, будешь сам сыт и прокормишь собаку, дай Бог ей здоровья.

Еще я оставила три толстых тетради с Колиным романом. Я читала, понравилось. Постарайся его напечатать. Он будет рад. Только в печку сгоряча не бросай. А мою записку можно. И не сердись на меня долго, так надо. А ребеночка твоего я рожу. Он будет сильный, умный и красивый, как ты, я это знаю. Приезжай, увидишь.

Ну, все. Не поминай лихом».

В конце письма было нарисовано пронзенное стрелой сердечко с капелькой кровавой слезы.

Я зачем-то понюхал записку, свернул, положил в полиэтиленовый пакет, а потом в левый нагрудный карман. Это было все, что у меня осталось от нее.

Роман Мироныча я бы точно пустил на растопку, чтобы злорадно убедиться, как легко и ярко горят рукописи. Лишь просьба Риты удержала меня от этого шага. И вообще, за две с половиной недели, что я тут прожил в ожидании Степаныча, я к тетрадям даже не прикоснулся. Зато вечерами, после охоты, колки дров, приготовления пищи, с большим интересом читал дневник со стены. Если бы Степаныч тогда позволил, я взял бы его себе и сейчас привел бы немало любопытнейших записей, в нем содержащихся. Да что там! Его можно было печатать целиком. Увы, Степан не разрешил.